

Чжо Цяньяо был в полном замешательстве. Не мог же он сказать, что слюна Цзин Мошэня — какое-то чудодейственное лекарство? Но до того, как тот его поцеловал, ведь действительно ничего не...

Цзин Мошэнь, не в силах больше сдерживаться, наклонился, подхватил его на руки и бросил на кровать.

— Чего ты вообще хочешь? С чего это император ведет себя как последний негодяй? — пробормотал Чжо Цяньяо. Это была вовсе не мягкая кровать, а жесткое ложе, от которого у него все кости ныли!

Взгляд Цзин Мошэня потемнел:

— Смеешь называть меня негодяем? А ведь только что тебе самому это было по душе, верно? Я же предупреждал, что собираюсь с тобой сблизиться.

— Ты хоть понимаешь, что значит сблизиться? У нас говорят: все, что делается без чувств — это распутство! Только когда двое искренне любят друг друга, это приносит радость, понимаешь?

— А я верю, что чувства между двумя мужчинами можно взрастить в процессе, — Цзин Мошэнь провел подушечкой пальца по лицу Чжо Цяньяо, словно очерчивая его черты. — Обещаю, попробуешь один раз — и уже никогда не забудешь.

— Если не прекратишь, я разозлюсь! — Чжо Цяньяо покраснел до корней волос.

— Я лишь хочу проверить, все ли у тебя в порядке, больше ни к чему не прикоснусь, — Цзин Мошэнь говорил предельно прямо и в пару движений лишил Чжо Цяньяо одежды, сжав его мужское достоинство.

— Отпусти, мерзавец! — колени Цзин Мошэня придавили его ноги, не оставляя пространства для маневра, а искусные движения императора лишили его всякой возможности сопротивляться.

— Хм? Так быстро? — Цзин Мошэнь был крайне удивлен.

— Это мой первый раз! Ты думал, все такие же опытные, как ты? — Чжо Цяньяо закрыл лицо руками. Впервые в жизни его касался мужчина, это было донельзя стыдно.

— Первый раз? — в глубоких глазах Цзин Мошэня вспыхнул огонек. Он так торопился лишь потому, что слова Чжо Цяньяо на главной улице задели его за живое. — Не бойся. Если ты не хочешь по своей воле, я не стану тебя принуждать.

— А сейчас ты что делаешь? Отпусти уже! — Чжо Цяньяо сердито сверкнул глазами. Говорит так благородно, а сам чуть что — сразу в постель валит.

— Докладываю Вашему Величеству, генерал Сяо вернулся с победой и прибыл во дворец засвидетельствовать свое почтение, — пронзительный голос евнуха за дверью вовремя избавил Чжо Цяньяо от неловкости.

— Приведи себя в порядок, а если устал — отдохни здесь, — Цзин Мошэнь поднялся, вытер руки платком и вышел. Чжо Цяньяо дернул уголок рта. Интересно, а запах не останется? Даже ему самому было неприятно от этого густого аромата мужских гормонов.

— Думал, ты уже окончательно списан со счетов, а ты вон как выкрутился, — Чжо Цяньяо взял платок, которым только что вытирал руки Цзин Мошэнь, кое-как привел себя в порядок, оделся и снова лег на кровать. Закинув руки за голову, он закинул ногу на ногу и принялся ими покачивать, всем своим видом напоминая уличного хулигана.

Это ведь ложе самого императора! Каждый наложник в этом гареме мечтал оказаться здесь, но для него в этом не было ничего хорошего. Кровати в эту эпоху все как одна: жесткие до невозможности. Когда он только попал сюда, каждую ночь не мог уснуть не только из-за боли в том самом месте, но и из-за того, что кровать буквально впивалась в тело.

— Докладываю госпоже Сюань, евнух Чжо вошел в опочивальню императора... — евнух Чжоу с опаской взглянул на лицо наложницы Сюань. — Сейчас император отправился во дворец Чанъань, но евнух Чжо так и не вышел.

— Ступай, — наложница Сюань стоял в беседке посреди озера, заложив руки за спину. Он смотрел на пышно цветущие лотосы, ветер слегка трепал его длинные распущенные волосы. Издалека он казался одиноким странником, оторванным от суеты мира.

— Цзин Мошэнь, то, чего я боялся больше всего, все же случилось. Надеюсь лишь, что ты не станешь отдавать всё свое сердце лишь одному человеку, — наложница Сюань тихо вздохнул, не в силах скрыть печаль, застывшую на лице.

<http://bllate.org/book/20229/2014339>